

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

УДК 1(091)

Е.О. Акишина

**Роль метафоры в формировании языка науки и философии
Нового времени**

Статья посвящена проблемам формирования языка науки в философии Нового времени. Одной из задач философии Нового времени было очищение языка от неясности, расплывчатости, избыточности. Философы стремились создать ясный и точный язык науки. Одним из спорных был вопрос о правомерности применения образного языка, языка метафор и аллегорий в науке. В статье исследуется отношение к метафоре философов Нового времени, рассматриваются специфика и функции метафоры в научном и философском познании. Анализируется отношение к метафоре и ее использование в произведениях Ф. Бэкона, Т. Гоббса, Дж. Локка. Т. Гоббс и Дж. Локк осуждают метафору как один из способов злоупотребления языком, как причину абсурда и обмана. Тем не менее Дж. Локк признает важную роль метафоры в создании новой научной терминологии. Т. Гоббс использует яркие метафоры, запоминающиеся образы в исследованиях социальных структур и отношений. Ф. Бэкон видит важную роль метафоры и аллегории в объяснении сложных научных и философских проблем. Можно сделать вывод, что в критическом отношении к метафоре и в применении метафор в философских произведениях нет принципиального противоречия. Метафора не должна употребляться в конкретно-научном исследовании, для эмпирического описания и теоретического обобщения фактов. При этом она широко применяется для объяснения философской концепции или научной теории, для пропаганды и популяризации научных знаний. Кроме того, метафора служит в науке интуитивным средством построения первичных гипотез, способствует творческому поиску, поскольку сопоставляет ранее несравнимое и обнаруживает глубинное единообразие в природе.

Ключевые слова: философия, Новое время, язык, метафора, аллегория, наука, познание.

Проблема языка никогда не была в философии периферийной. Начиная с античности мыслители искали новые средства и способы выражения философских идей, формировали язык для философского знания. В античной философии разрабатывалась новая терминология, возникли понятия «архэ», «космос», «идея», «философия» и другие. Эти термины зачастую переносились в философию из обычного языка с помощью метафор. Также в античной философии возникла важная проблема единства мышления и языка, внимание к которой привлекла деятельность софистов. Софисты наглядно продемонстрировали, что с помощью умелого использования слов можно исказить истину, доказать прямо противоположные тезисы, формально оставаясь правым. Над решением этой проблемы работали Сократ, Платон, Аристотель и многие другие. Сократ стремился достичь наиболее точного определения значений философских понятий. Аристотель разработал правила мышления, рассуждения, четкие структуры речи, которые препятствовали пустым и бессмысленным спорам, уводящим от познания истины [1, 2, 3].

Проблемы языка приобрели особую актуальность в XVII–XVIII вв., в эпоху зарожде-

ния и формирования науки. Поскольку наиболее яркой чертой философии Нового времени является ее ориентированность на познание и науку, проблема языка также была связана с ними. Наука, благодаря своему развитию и влиянию на прогресс в технике и производстве, приобрела приоритетное значение в обществе, что вызвало интерес философов к проблемам научного познания, формирования научной терминологии, ясной и точной формы выражения научных идей. Для решения этих проблем уже недостаточно было разработок античных философов и средневековых схоластов, напротив, зачастую язык средневековой схоластики и формальной логики препятствовал познанию природы, развитию естественных наук.

Таким образом, проблема языка становится одной из важнейших гносеологических проблем, которую стремились разрешить философы Нового времени. Во-первых, в научных дисциплинах возникает необходимость в новом языке, в системах условных обозначений, соответствующих новым знаниям, полученным в результате развития естественных наук, «в противовес символично-аллегорической расплывчатости предшествующего алхи-

мического языка» [4, с. 216]. Во-вторых, ученые и философы того времени пытались решить проблему влияния форм языковых выражений на становление и развитие знания. В-третьих, в Новое время начинается процесс отделения научного знания от ненаучного, что порождает проблему разграничения научного языка с одной стороны и языка обыденного, языка художественного, поэтического, языка средневековой схоластики с другой. Данное разграничение потребовало от философии некоторой определенности в вопросе о том, является ли философия наукой и должен ли язык философии быть строго научным или философия не включена однозначно в систему наук и должна иметь свой особый язык.

Понять, как решаются указанные вопросы в философии Нового времени, возможно через анализ роли и значения образных выражений и, в частности, метафоры как важнейшего элемента обыденного и поэтического языка, а также символически-аллегорического священного языка. В связи с тем что метафора является важнейшим элементом ненаучного языка, возникает вопрос о том, какое место она занимает в новом языке науки. К решению этого вопроса можно подойти с двух сторон: исследовав оценку и отношение к метафоре философов и ученых того времени, а также проанализировав, для каких целей они используют ее в своих произведениях. Для этого в первую очередь мы обратимся к произведениям английских философов Нового времени – Ф. Бэкона, Т. Гоббса, Дж. Локка. Выбор именно английских философов-эмпириков имеет основания. Так, У. Эко указывает, что «не случайно большинство призывов к универсальному языку исходило в XVI–XVII вв. именно с Британских островов. Дело не только в том, что это признак экспансионистских устремлений Англии: имеют место и религиозные мотивы, в частности отказ от латинского языка (по необходимости единственного в то время научного языка-посредника), который отождествлялся с языком католической церкви» [4, с. 215].

Ф. Бэкон, Т. Гоббс и Дж. Локк признавали необходимость выработки нового научного языка с очищением языка от двусмысленности, неясности, неправильности, избыточ-

ности, расплывчатости, словом, всех тех «идолов», которые затемняют человеческий разум, препятствуя научному прогрессу. Среди этих «идолов» (Ф. Бэкон), видов злоупотреблений языком (Дж. Локк), причин абсурдов (Т. Гоббс) указанные философы упоминают и метафору. Отношение к метафоре у перечисленных авторов неоднозначное: от благожелательного у Ф. Бэкона до резко отрицательного у Т. Гоббса и Дж. Локка.

Для исследования языковых образных средств Ф. Бэкон использует термины «парабола» и «аллегория». В качестве парабол и аллегорий он рассматривает античные мифы, стремясь восстановить рациональный смысл художественного, мифического образа. Другими словами, он пытается раскрыть суть мифа через его аллегорическое толкование.

В процессе аллегорического толкования мифов [5] Ф. Бэкон выявляет, прежде всего, объяснительную функцию метафоры. Он считает метафору одной из важнейших форм передачи знаний и опыта. Новые, непривычные для традиционной культуры открытия лучше воспринимаются при использовании метафоры, она становится необходимой для прояснения результатов познавательной деятельности. Когда в науке открывается нечто новое, ранее неизвестное, понять это большинство людей может лишь при обращении к чему-то знакомому, сравнении с чем-то известным. Ф. Бэкон пишет: «...когда речь идет о новых открытиях, далеких от представлений толпы и глубоко скрытых от нее, нужно искать более удобный и легкий доступ к человеческому пониманию через параболы. Поэтому и в древности, когда открытия и заключения человеческого разума – даже те, которые теперь представляются банальными и общеизвестными, – были новыми и непривычными, всюду мы встречаем всевозможные мифы, загадки, параболы, притчи, к которым прибегали для того, чтобы поучать, а не для того, чтобы искусно скрывать что-то» [5, с. 239]. Другими словами, с одной стороны, метафора делает результаты открытий в науке и содержание сложных философских идей понятными для широкого круга людей, т.е. способствует просвещению. С другой стороны, объяснение через метафоры и аллегии является не единственным средством

передачи опыта, информации, теоретических знаний, а лишь более легким, кратким и эстетичным по сравнению с длинными логическими выкладками и описанием эмпирических доказательств и обоснований. Ценность метафоры и аллегории в том, что они позволяют в одном ярком образе целиком охватить результат сложного теоретического построения.

Из этого можно сделать вывод, что Ф. Бэкон, несомненно, считает значимой роль метафоры *в обосновании и прояснении* результатов познавательной деятельности. Полезность метафоры в этом аспекте можно объяснить возрастанием теоретичности философии и развитием науки: научные открытия и философские идеи из-за сложности их содержания и специфической формы выражения становятся понятны лишь узкому кругу ученых и философов. Возникает дополнительная задача трансляции результатов философского и научного познания, популяризации научных открытий и философских идей, изложения их в форме, доступной широкому кругу грамотных, образованных людей, но не специалистов в конкретных научных исследованиях.

Если в процессе объяснения и популяризации научных открытий роль метафоры несомненна, то как представители философии Нового времени оценивали проникновение метафоры в сам процесс научного поиска? Для ответа на этот вопрос можно обратиться к «теории идолов» Ф. Бэкона, т.е. к выявленным им причинам заблуждений. Бэкон относит род заблуждений, основывающийся на словах естественного языка, к идолам площади или рынка. «Люди объединяются речью. Слова же устанавливаются сообразно разумению толпы. Поэтому плохое и нелепое установление слов удивительным образом осаждают разум» [6, с. 19]. В этом, по мнению Ф. Бэкона, заключается одна из четырех причин, ведущих к ошибочному, ложному знанию. Эти размышления Бэкона о роли слов в познании и передаче информации можно отнести и к метафоре, поскольку неправильное употребление слов, общение и обмен информацией и знанием через речь искажают и затемняют смысл, мешают продвижению научного познания. Безусловно, речь здесь идет не только о метафоре, но и о ней тоже. Важ-

ным здесь оказывается одно из основных свойств метафоры: она конструируется не только на основании знания о свойствах вещей, но и на основании, например, системы общепринятых ассоциаций, которая у Бэкона называется «разумением толпы». Система общепринятых ассоциаций – это набор стандартных представлений о вспомогательном субъекте метафоры, который разделяется всеми членами данной языковой общности. В отличие от научных знаний она может быть неточной или даже ошибочной. Следовательно, слова, используемые сообразно разумению толпы, обращают свою силу против разума.

Еще более негативную оценку метафоры дает в своем произведении [7] Т. Гоббс. Он прямо указывает на метафору как средство обмана и относит ее в своем исследовании к одному из четырех видов злоупотребления речью, когда люди «употребляют слова метафорически, т.е. в ином смысле, чем тот, для кого они предназначены, обманывая этим других» [7, с. 23]. Дж. Локк в «Опыте о человеческом разумении» доводит эту критику метафоры до конца и осуждает уже любое образное выражение. Он пишет, что «если мы говорим о вещах, как они есть, мы должны признать, что всякое риторическое искусство, выходящее за пределы того, что вносит порядок и ясность, всякое искусственное и образное употребление слов, какое только изобретено красноречием, имеет в виду лишь внушать ложные идеи, возбуждать страсти и тем самым вводить в заблуждение рассудок и, следовательно, на деле есть чистый обман» [8, с. 566–567]. Связывая метафору с обманом, намеренным искажением или сокрытием истины, Т. Гоббс и Дж. Локк критикуют не столько саму метафору, сколько одну из ее функций. Эта критика направлена скорее на осуждение софистической риторики, чем на осуждение метафоры и ее места в философском или научном тексте. В результате такой неполноты исследования возникает два варианта отношения к метафоре: либо метафора в любом случае искажает истину, поэтому она недопустима, либо ее не нужно употреблять с целью намеренного искажения истины. Кроме этого, возникает и другой вопрос: метафора осуждается в любой коммуникации и недопустима в любой речи, имеющей целью

передать правдивую информацию, поделиться истинным знанием, или только в некоторых случаях?

Для решения этих вопросов обратимся к исследованиям языка и речи Т. Гоббса. Рассматривая причины абсурдов, ошибок или бессмысленной речи, он пишет: «Шестую причину я вижу в использовании вместо точных слов метафор, троп и других риторических фигур. Хотя в обиходной речи позволительно, например, сказать “дорога идет или ведет сюда или отсюда”, “пословица говорит то или это” (хотя дорога не может ходить, а пословица говорить), но, когда мы рассуждаем и ищем истину, такие речи недопустимы» [7, с. 23]. Итак, Т. Гоббс, исключая метафору из правильных рассуждений, из научного и философского языка, считает ее допустимой лишь в обыденной речи. Интересно, что, критикуя применение метафоры, он приводит примеры «стертых» метафорических выражений, которые практически уже утратили свой образный смысл и стали использоваться как буквальные. Таким образом, исключая из процесса поиска, фиксации и передачи истинного знания даже стертые метафоры, Т. Гоббс видит путь науки в строгой фиксации фактов, когда слова максимально точно передают данные наблюдения и опыта.

В связи с этим возникает очевидное противоречие, поскольку каждому, кто обращался к произведениям этого английского философа, бросались в глаза его яркие метафоры, сложные аллегорические образы. Применяет Т. Гоббс их главным образом при исследовании социальных связей, норм и структур. Так, он начинает изложение своей концепции общества и государства с метафор, а в дальнейшем повторяет, закрепляет и разворачивает их. Самый, пожалуй, яркий метафорический образ – это образ государства, который раскрывается в метафоре как Левиафан. Т. Гоббс пишет: «В этом Левиафане *верховная власть*, дающая жизнь и движение всему телу, есть искусственная *душа*; должностные лица и другие *представители судебной и исполнительной власти* – *искусственные суставы*; *награда и наказание*... представляют собой *нервы*, выполняющие такие же функции в естественном теле; *благополучие и богатство* всех частных членов представля-

ют собой его *силу*..., *безопасность народа*, – его занятие; *советники*, внушающие ему все, что необходимо знать, представляют собой *память*; *справедливость* и *законы* суть искусственный *разум*... и *воля*; *гражданский мир* – *здоровье*; *смута* – *болезнь*, и *гражданская война* – *смерть*. Наконец, *договоры* и *соглашения*, при помощи которых были первоначально созданы, сложены вместе и объединены части политического тела, похожи на то... “*сотворим человека*”, которое было произнесено Богом при акте творения» [7, с. 6–7]. Подобная концентрация метафор во введении к философскому трактату свидетельствует, по крайней мере, об осознаваемой Т. Гоббсом важности языковых средств для популяризации философской концепции, для емкой и красочной передачи основных положений философского учения. Можно предположить, что для философа данной эпохи проблемы государства, общества и человека не относятся к строго научным проблемам и исследованиям. Но этого недостаточно для понимания того факта, что ученый, строго осуждая метафору, сам же ее и применяет. Кроме того, если социальные и гуманитарные проблемы Т. Гоббс либо осознанно, либо неосознанно не относит к проблемам, решаемым наукой, то очевидно, что они не относятся и к обыденным вопросам. Получается противоречие: с одной стороны, Т. Гоббс осуждает метафору как языковое средство, уводящее в сторону от правильности и истины, с другой стороны, он применяет ее в рассмотрении социальных и гуманитарных проблем. Возникает вопрос: стремится ли Т. Гоббс в своих исследованиях государства и общества к истине или желает лишь ярко, образно и красиво выразить свое отношение к современному состоянию общества, свое мнение о происхождении и сущности государства?

Представляется наиболее вероятным, что метафоры Т. Гоббса нельзя свести только к средствам риторического украшения текста и ограничить их только функцией популяризации его концепции. Немецкий исследователь творчества Т. Гоббса К. Шмит справедливо отмечает, что «упоминание о Левиафане не просто придает наглядность некоей идее, подобно какому-нибудь сравнению, иллюстрирующему содержание теории государства,

или произвольно выбранной цитате; речь скорее идет о призываемом заклинаниями мифическом символе, наполненном глубоким смыслом» [9, с. 106]. Левиафан как символ политического единства – это не просто какое-нибудь тело или зверь, а библейский образ, причем образ из Ветхого завета, за сотни лет обросший мифологическими, теологическими и каббалистическими толкованиями. Целью данной статьи не является глубокая и подробная интерпретация библейского образа Левиафана. Описание государства Т. Гоббс дополняет еще тремя образами: большого человека, грандиозной машины, созданной человеческой изобретательностью, и смертного Бога. В данном случае важно понять цель и причину использования метафор, аллегорий, мифологических символов в данной философской концепции. Причина использования сложных библейских образов, возможно, кроется в самих философских взглядах Т. Гоббса, которого нельзя однозначно отнести к философам рационалистического плана (в мировоззренческом, а не в гносеологическом смысле). Человек для него – существо иррациональное, способное в любой момент отказаться от разума и логики ради сиюминутных интересов, влечений, страстей, и неудивительно, что для укрощения такого человека призывается могущественное мифическое чудовище. К. Шмит, учитывая своеобразие психологии Т. Гоббса, указывает на возможность того, что образ Левиафана скрывает глубокий тайный смысл. «Как и все великие мыслители того времени, Т. Гоббс знал толк в деле эзотерического утаивания. Он сам говорил о себе, что иногда делает открытия, но подлинные свои мысли раскрывает только наполовину и поступает подобно человеку, на секунду приоткрывшему окно, чтобы, испугавшись бури, сразу же снова его захлопнуть. Возможно, три упоминания о Левиафане, всплывающие в тексте его книги, как раз и были такими на один миг приотворенными окнами» [9, с. 141–143].

Из всего сказанного ранее можно сделать вывод: возникший в Новое время «запрет на метафору» распространялся лишь на имеющую четкие познавательные границы область эмпирических наук: описание данных наблюдений и процессов экспериментального

исследования, точная фиксация полученных результатов. Можно сказать, что в критическом отношении к метафоре, которое демонстрируют многие философы Нового времени, и в разнообразном, плодотворном применении метафор в их философских произведениях нет принципиального противоречия. Метафора не должна употребляться в *конкретно-научном исследовании*, в контексте эмпирического естествознания, на уровне теоретической фиксации фактов. При этом она широко применяется для описания основ философской концепции, просвещения широких общественных масс, пропаганды и популяризации знаний, полученных в результате философского и научного поиска. Кроме того, использование метафор может служить критерием отделения языка строгой науки от языка философии. Хотя философы Нового времени не отделяли философию от науки, скорее определяли ее как венец науки, как «царицу наук», но на практике язык философии оказывается намного богаче научного, в частности, это проявляется в использовании метафор, символов, сложных образных выражений, древних мифов. Гоббсовский Левиафан – это прорыв в чуждую, на первый взгляд, нововременной научной рациональности мифическую, эзотерическую область.

Для того чтобы понять, какие еще задачи решает метафора в философии и науке, обратимся к Дж. Локку – самому последовательному и категоричному противнику метафоры. При всей своей негативной оценке любых двусмысленностей в языке науки, любых образных выражений Дж. Локк признает, что «запас слов так скуден в сравнении с бесконечным разнообразием мыслей, что при отсутствии терминов для подходящего и точного выражения какого-либо понятия люди при всей своей осмотрительности часто вынуждены употреблять одно и то же слово в различных до некоторой степени значениях» [8, с. 582]. Употреблять слово в новом значении, для того чтобы заполнить пробел в словаре, значит использовать номинативную функцию метафоры. Хорошим примером объединения данной функции метафоры с созданием яркого и запоминающегося, рассчитанного на определенное восприятие образа можно считать образование ряда программных терминов в теории познания и

методологии Ф. Бэкона, прежде всего, это касается понятия идиологов познания, а также разграничения знаний на знания светоносные и плодоносные.

Философы Нового времени ставят и пытаются решить очень важную для дальнейшего прогресса науки задачу: формирование специального научного языка, способствующего наиболее эффективному поиску истины. В процессе решения этой задачи выяснилось, что метафора не нужна и даже вредна для описания данных научного наблюдения, фиксации результатов эксперимента. Но тогда возникает вопрос: имеет ли метафора вообще познавательное значение?

Для ответа на этот вопрос следует обратиться к анализу индуктивного метода, который был разработан Ф. Бэконом. Данный метод включает в себя три составляющих: накопление и описание в процессе исследования максимального количества явлений, обладающих свойством, которое и является целью изучения; перечисление явлений, в которых это свойство отсутствует, т.е. целенаправленный поиск исключений; перечисление случаев, в которых наблюдается изменение интенсивности изучаемого свойства. Следствием сравнения этих множеств является некоторый остаток, который постоянно сопутствует интересующему нас свойству, – его «форма». Добросовестное и последовательное применение такого метода является хотя и продуктивным, но достаточно громоздким. Поэтому Ф. Бэкон предусмотрел средство для решения этой проблемы: если найдутся случаи, один из которых равняется целому ряду других, то можно заменить рассмотрение множества случаев одним. Такие случаи Ф. Бэкон называет прерогативными инстанциями. Прерогативные инстанции – это выделенные случаи, из которых можно многое заключить посредством ускоренной индукции. Поскольку всякая индукция стремится к обобщению, особое значение для ученого представляют явления, которые более всех других дают понятие о единстве целого. Примеры этих явлений Ф. Бэкон называет параллельными примерами или физическими подобиями [6, с. 128–131].

Способы рассуждения, которые приводит Ф. Бэкон, предполагают необходимость ис-

пользования в индуктивном исследовании аналогии, поскольку ведут к обнаружению «семейного сходства» в природе. Аналогия и метафора хотя и различаются по целям и месту в познании (аналогия – научный метод, а метафора – языковое средство выражения идей), но имеют существенное сходство в построении: они основываются на сравнении, выявлении сходного в предметах и процессах. Ф. Бэкон пишет, что при правильном применении сравнения, сопоставления, аналогии «с большой пользой раскрывают устройство частей Вселенной и совершают как бы некую анатомию ее членов» [6, с. 128]. Обратим внимание, что в последнем обороте возникает метафора: в буквальном смысле об анатомии говорят применительно к живым организмам. Сравнение живой и неживой природы в целом выражается у Бэкона также в частных аналогиях. Он проводил аналогию смолы деревьев с горными самоцветами: и смолы и камни есть результаты выпаривания и просачивания влажных веществ, в результате этого умозаключения родилась метафора «самоцветы – сок камней». Бэкон проводит аналогию между строением растения и строением человеческого тела. Корни растений он сравнивает с человеческим мозгом, поскольку в мозгу начинаются нервы, которые повсюду разветвляются и распространяются в организме. Далее Бэкон закрепляет эту аналогию метафорой «человек – перевернутое растение». Неизбежным следствием установления аналогии между различными сферами бытия – живой природой, неживой природой и обществом – является метафорический характер аналогии. Метафора выступает как квинтэссенция аналогии, яркий способ выражения результата ее применения. Ф. Бэкон указывает на перспективы дальнейшего разворачивания этих аналогий, считает их плодотворными средствами развития научных гипотез. Метафора, следовательно, служит в науке интуитивным средством построения первичных гипотез, способствует творческому поиску, поскольку сопоставляет ранее несравнимое и обнаруживает глубинное единообразие. Аналогия и метафора становятся отправными точками для дальнейшего специально-научного исследования. «Может быть, никогда еще ранее в столь сжатой

форме краткого афоризма и при помощи столь бегло приводимых примеров не был изложен столь многообещающий взгляд на связь мироздания» [10, с. 302].

Можно сделать вывод, что в сциентистски-ориентированной философии Нового времени метафора служит широкому спектру целей. Используются номинативный и эмоционально-экспрессивный потенциал метафоры, возрастает значимость ее объяснительной функции, а также функции просветительской, поскольку философская концепция,

выраженная в ярком, запоминающемся образе, вызывает интерес, который может распространиться на науку и философию в целом. Кроме того, можно говорить о важной функции метафоры в научном исследовании: она удовлетворяет потребность человеческого ума в осознании целостности мира, утверждении единства макрокосмоса и микрокосмоса. Таким образом, в философии Нового времени метафора становится средством формирования универсальной картины мира.

Библиографический список

1. *Аристотель*. Риторика // Аристотель. Поэтика. Риторика / Пер. с др.-греч. В. Апеллерота, Н. Платоновой. СПб.: Азбука, 2007. 352 с.
2. *Аристотель*. О софистических опровержениях // Сочинения: В 4 т. / АН ССР, Ин-т философии. М.: Мысль, 1978. Т. 2. 687 с.
3. *Аристотель*. Топика // Сочинения: В 4 т. / АН ССР, Ин-т философии. М.: Мысль, 1978. Т. 2. 687 с.
4. *Эко У.* Поиски совершенного языка в европейской культуре. СПб.: Александрия, 2007. 417 с.
5. *Бэкон Ф.* О мудрости древних // Сочинения: В 2 т. М., 1978. Т. 2. 575 с.
6. *Бэкон Ф.* Новый Органон // Сочинения: В 2 т. М., 1978. Т. 2. 575 с.
7. *Гоббс Т.* Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Сочинения: В 2 т. М.: Мысль, 1991. Т. 2. 731 с.
8. *Локк Дж.* Опыт о человеческом разумении // Сочинения: В 3 т. М.: Мысль, 1985. Т. 3. 622 с.
9. *Шмит К.* Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса: смысл и фиаско одного политического символа. СПб.: Владимир Даль, 2006. 298 с.
10. *Фишер К.* История философии: Введение в историю новой философии. Фрэнсис Бэкон Веруламский. М.: АСТ: Ермак, 2003. 541 с.

E.O. Akishina

The Role of the Metaphor in the Development of the Language of Science and Philosophy of Modern Era

Abstract. The paper is concerned with the problems of the development of the language of science in the philosophy of modern era. One of the objectives of the philosophy of modern era was to get rid of vagueness, ambiguity and redundancy in the language. Philosophers have sought to create a clear and precise language of science. One of the most controversial was the question of the propriety of the use of figurative language, the language of metaphors and allegories, in science. The paper investigates the modern era philosophers' stance on the metaphor, and the specifics and functions of the metaphor in the scientific and philosophical knowledge. The contradiction with regard to the use of the metaphor in the texts of XVII–XVIII centuries philosophers is identified. The attitude to the metaphor and its usage in the works of F. Bacon, T. Hobbes, J. Lock is analyzed. Thus, T. Hobbes and J. Lock criticize the metaphor as a way of language abusing, and as the cause of absurdity and deceit. J. Lock, nevertheless, recognizes the important role of the metaphor in the creation of new scientific terminology. T. Hobbes uses vivid metaphors, memorable images in the study of social groups and relationships. F. Bacon admits an important role of metaphors and allegories in the explanations of complicated scientific and philosophical problems. It is concluded that the critical attitude to the metaphor and the use of metaphors in the philosophical papers do not have any fundamental contradiction. The metaphor should not be used in the concrete scientific researches, in empirical descriptions and theoretical generalization of the facts. However, it is widely used to explain philosophical concepts or a scientific theory, for the promotion and popularization of scientific knowledge. In addition, the metaphor serves as an intuitive means of creating primary hypotheses, contributes to the creative solutions, as it matches previously incomparable phenomena and discovers deep uniformity in the nature.

Key words: *philosophy; modern era; language; metaphor; allegory; science; knowledge.*

Акишина Елена Олеговна – кандидат философских наук, доцент кафедры «Философия и культурология» СГУПСа. E-mail: akishinacelena@yandex.ru